

Мария Миняйло

**Четыре
оттенка
счастья**

ТЕРНОПІЛЬ
БОГДАН

УДК 82-31
ББК 84-44
М 62

Миняйло, Мария.

М 62 Четыре оттенка счастья: сб. рассказов /
М. А. Миняйло. — Тернопіль : Навчальна
книга – Богдан, 2015. — 208 с.

В сборник начинающей писательницы вошли прозаические произведения, в которых она сквозь призму переживаний своих героев, восприятие ними действительности раскрывает их внутренний мир, подводит к неожиданно-му повороту их судеб и решению жизненных перипетий.

Для широкого круга читателей.

ISBN 2005000006685

© Мария Миняйло, 2015
© Навчальна книга – Богдан,
2015

**Жестокая
комедия**

Пролог

У профессора Антонова была молодая жена. Сейчас уже никто и не помнит, как ее звали. В памяти знакомых и соседей она навсегда осталась молодой женой Степана Павловича Антонова.

К началу нашего повествования профессора уже давно не было в живых, да и речь, собственно, пойдет не о нем. Но рассказать о Степане Павловиче нужно, потому что не будь его, не было бы и нашей истории.

Степан Павлович, когда-то подающий надежды молодой ученый, так и не добившись всемирного признания, был профессором одного научно-исследовательского института. Человеком он был уважаемым и строгим, но по своей сути добрым и ужасно одиноким.

Когда Степану Павловичу исполнилось 60, все его немногочисленные родственники уже отошли в мир иной. Женат он никогда не был, да и на женщин времени не хватало — весь был в науке.

Жил профессор Антонов в малогабаритной 5-комнатной коммуналке, разделяя кухню и санузел с многочисленными соседями, чья опрятность и образованность порой оставляли желать лучшего.

Возможно, профессор так бы и умер в одиночестве, если б однажды таки не женился. Его избранницей стала молодая, можно даже сказать юная студентка-второкурсница, имени которой никто не помнил.

По сей день те, кто помнит Степана Павловича, удивляются, как так вышло, что она стала его женой.

Но так вышло. Невысокий, лысоватый профессор женился на молодой и стройной девушке. Все только разводили руками.

Когда тебе за 60 и ты не очень привлекателен, молодую жену можно удержать разве что немалым состоянием. К сожалению, этим Степан Павлович был обделен...

Так, через год «счастливой» семейной жизни у профессора родился сын, а еще через год жена от него ушла, оставив после себя только косметичку и ребенка.

А через 18 лет Степан Павлович умер, завещав сыну Дане комнатку в коммуналке и 10 ящичков книг...

Акт 1

— Какая сволочь опять не слила воду в унита-
зе?! — завопила Наталья Геннадиевна, пулей вы-
летая из туалета, лишь только войдя в него. Был
четверг, часы показывали 6:45.

— Час назад Миша заходил. Наверное, он, —
протянула сонная Злата, помешивая варившуюся
на плите кашу.

— Почему я каждое утро должна вымывать с
хлоркой туалет, чтобы нормально использовать
его по назначению?! — продолжала разъяренная
Наталья Геннадиевна.

— Так он что, мимо разве сходил? Слейте воду
и успокойтесь, — подытожила Злата, переливая
жидкую массу в тарелку.

— Это ты привыкла у себя в селе нужду в кустах
справлять! Не собираюсь терпеть этого! Свиньи!

— Тоже мне, интеллигенция! Мужика бы себе
нашли, полегчало бы! Хотя какой мужик на такое
позарится? Три уже сбежали, четвертый и не глянет!

— Я хоть замужем была, а тебе еще доплатить
нужно, чтобы кто-то решился!

— Стерва... — прошипела Злата, нервно запи-
хиваясь кашей. Часы показывали 6:56.

Стоит заметить, что Злата действительно очень
расстроилась после перепалки с Натальей Генна-

диевной. Ей недавно исполнилось 37, и она никогда не была замужем, что сильно ее огорчало.

Это была высокая, крупная женщина, белокожая, с явно выраженными морщинами вокруг круглых глаз. Родилась Злата в селе, никогда не красилась, любила парное молоко и никогда не собирала волосы в хвост. Волосы у нее были черные с ранней проседью, длинные и совершенно непонятной структуры, губы тонкие, а пальцы и запястья толстые. Одним словом, ее никак нельзя было назвать красавицей. Друзей у Златы не было, к телевизору она так и не привыкла, а готовить не умела.

В жизни Златы была только одна радость — брат Юра. 9 лет назад Юра, непризнанный «гений» в глазах сестры, переехал из далекого села в столицу, чтобы открыть миру свой талант. Он был художником. Но отпускать неопытного увлекающегося 21-летнего мальчика далеко от дома никак не входило в планы Златы, поэтому она поехала за ним. К тому времени Злата слыла старой девой, и шансы выйти замуж были мизерными.

Так, 9 лет назад она с братом поселилась в небольшой комнатухе старой коммуналки на улице Десятинной, 6. Где они по сей день и жили...

— Ну чого ви знову сваритесь? — в дверном проеме появился высокий, худощавый молодой мужчина.

— Потому что она — стерва! — прошипела Злата, показывая пальцем на Наталью Геннадиевну.

— Тупица... — послышалось из туалета.

— Вот видишь! — взвизгнула Злата.

— Господи! Жінки... — протянул Юра и принялся варить кофе.

В отличие от «горячей» сестры, он жил в своем мире, и все окружающее было ему безразлично. Несмотря на простое происхождение, Юра смог адаптироваться к городской жизни и даже полюбить ее. Если Злата часто мечтала вернуться домой, то ее брат был в этом вопросе крайне категоричен. Он с улыбкой относился к метаниям Златы и порой даже предлагал ей вернуться домой, но в таком случае уже Злата была непреклонна. Юрко, как его называла сестра, был, наверное, самым любимым всеми соседями жителем коммуналки №7, потому как никогда не спорил, не ругался, не конфликтовал и вообще не повышал голос.

Вот и в то утро он удосужился прокомментировать конфликт женщин лишь безразличным «Жінки...»

— Мне кажется, Наталья Геннадиевна больна... — заговорщически прошептала Злата, наклонившись к брату, который молча пил кофе.

— Я думаю, у нее одна из этих, как их... фобий, — Злата настороженно посмотрела в сторону туалета, где Наталья Геннадиевна с маниакальным

остервенением домывала унитаз, дабы убедиться, что она ее не слышит.

— Я недавно читала одну из твоих книг, которые ты покупаешь на рынке, про разные фобии, и там была эта... как ее... ну, карафобия, кажется... Так вот, я думаю, что у нее именно это, — не успела Злата договорить, как в дверном проеме появилась «больная», в одной руке держа ведро, а другой сжимая прохлорированную тряпку.

— Я сейчас этой тряпкой так пройду по твоей отекающей физиономии, что брат родной не узнает! Какая еще карафобия?!

Услышав перспективы, в скором времени ожидающие его сестру, Юра понял, что завтрак окончен и принялся молча мыть чашку. Злата же сидела, вжавшись в стул, не в состоянии вымолвить ни слова, потому как в глубине души очень боялась Наталью Геннадиевну.

— Копрофобия — от древнегреческого «копрос» и «фобос» — помет и страх... ощущение панического страха при виде отходов жизнедеятельности живых организмов. Всем доброе утро! — лучезарно улыбаясь, на кухню вошел Иван Артемович, в прошлом преподаватель всемирной истории исторического факультета кафедры археологии и музееведения. Часы показывали 07:20.

— Доброго ранку, — Юра еле заметно улыбнулся и предложил новоприбывшему кофе.

— Нет-нет, родной, только чай! Когда тебе за 80 — кофе — опасный враг, — старичок опять улыбнулся и бодро направился к посудной горке.

— Боязнь отходов жизнедеятельности?! — стоит заметить, что Наталья Геннадиевна так и стояла в проходе, вооруженная тряпкой и ведром, — просто в отличие от некоторых я слежу за чистотой, — наконец она поставила на пол ведро, наполненное хлорированной водой, и, окинув Злату надменным взглядом, скрылась в узеньком коридоре.

— Злата, милая моя, ну зачем вы так ссоритесь? — Иван Артемович неодобрительно покачал головой. — Вы поймите, Наталочка у нас очень, надо сказать очень аккуратная, любит чистоту и порядок. Тут дело вовсе не в фобиях и болезнях. А вы дразнитесь, сами же знаете ее крутой нрав. Не пристало такой милой девушке, как вы, так себя вести, — пожилой сосед заварил чай и, отрезав кусочек яблочного пирога, начал тщательно его пережевывать.

На пару минут он таки пристыдил Злату, и ей даже стало жаль соседку, зацикленную на чистоте. Но этот душевный порыв длился до того момента, пока на кухне опять не появилась Наталья Геннадиевна. Жалость очень быстро сменилась завистью, так как «чистюля» уже успела переодеться и теперь спешила на работу. На ней был фантастический лиловый костюм, подчеркивающий широкие бедра и плоский живот.

— Из-за хронической антисанитарии я опять не успела позавтракать, — кинула Наталья Геннадиевна, обувая темно-фиолетовые лакированные туфельки, украшавшие тонкие щиколотки, — хотя, стоит побереечь фигуру, — она победоносно улыбнулась, окинула насмешливым взглядом Злату, поглощавшую уже второй кусок яблочного пирога, попрощалась с Юрой и Иваном Артемовичем и выпорхнула из квартиры. Часы показывали 07:45.

Коммунальная квартира №7 по улице Десятинной, 6 была, пожалуй, одной из последних в нашем городе. В дореволюционные годы это была большая пятикомнатная квартира, которой судьбой было предрешиено превратиться в захудалую коммуналку, с вечно грязным туалетом и пропахшей жиром кухней.

И хотя Наталье Геннадиевне претило не только ее жилье и необходимость делить его с чужими людьми, но и само слово «коммуналка», она очень любила месторасположение дома №6. Он находился на тихой, чистой улице, поросшей многолетними липами и неизвестными кустарниками. Недалеко на склонах раскинулся чудесный парк, прогуливаясь по которому можно было наслаждаться прекрасными видами города.

Несмотря на то, что Злата обращалась к своей ненавистной соседке по имени и отчеству, На-

талья Геннадиевна была младше ее на три года. Средней привлекательности, среднего роста, скуластая женщина, работавшая учителем географии в районной гимназии.

В юности Наталья Геннадиевна жила в большом доме с родителями и старшим братом, ни в чем не нуждаясь. Но когда ей исполнилось 20, отец обанкротился, влез в долги, в результате чего покончил с собой, а мать в скором времени умерла от сердечного приступа, брат начал пить и пропал без вести. Многие были уверены, что его убили, но Наташа свято верила, что он просто сбежал, бросив ее умирать в нищете. Но, обладая крутым нравом, в отличие от своих родственников, она выжила и, устроившись на работу, поселилась в коммунальной квартире №7. Как едко заметила Злата, Наталья Геннадиевна была трижды замужем, но ни один из ее браков не увенчался успехом, поэтому каждый раз она возвращалась к своим соседям, которые, несмотря на все сложности жизни под одной крышей, принимали ее обратно.

Стоит отметить, что дети не очень-то любили Наталью Геннадиевну, потому как свою истеричность она проявляла не только дома, от чего ученики часто страдали, начиная всем сердцем тихо ненавидеть географию. Да и сама Наталья Геннадиевна не была в восторге от своего предмета. Ее страстью были путешествия, поэтому она целый год могла перебиваться с воды на хлеб, лишь бы

скопить денег на очередную поездку. А путешествовала она с шиком, совершенно не думая о том, что по приезду не на что будет жить. Хотя такие жертвы положительно сказывались на фигуре Натальи Геннадиевны, чему Злата искренне завидовала.

Никто из соседей не мог понять, когда именно началась война двух женщин да и почему это произошло. По прошествии лет все просто знали, что они терпеть друг друга не могут и что в их ссоры лучше не ввязываться.

15 минут ходьбы от дома — и Наталья Геннадиевна в школе, зашла в учительскую, выпила чашку растворимого кофе и ровно со звонком в классе, в очередной раз разрушив надежды детей на болезнь, а лучше исчезновение. Некоторые из них порой мечтали, что злая учительница географии умрет, но сразу пугались своих мыслей, потому что на самом деле не желали ей смерти, ведь смерть — это всегда страшно. А чтобы окончательно оправдать некоторых учеников районной гимназии, стоит сказать, что если они и желали смерти своей учительнице, то быстрой и совершенно не мучительной.

Было уже около 10 утра, когда Елизавета Борисовна вышла из своей комнаты и медленно, преодолевая боль, поплелась на кухню, опираясь на старую деревянную клюку. Эта полная

маленькая старушка была женой и любовью всей жизни Ивана Артемовича. Последние несколько лет Елизавета Борисовна практически не могла ходить, еле-еле передвигаясь по квартире. Причину ее недуга никто не знал, врача вызывать она отказывалась, да и денег на лекарства у пожилой пары не было, так что старушка тихо доживала отпущенные ей года. Наталья Геннадиевна же утверждала, что у Елизаветы Борисовны артрит, а Злата была уверена, что рак кости. Споры о характере болезни соседки часто заканчивались масштабными ссорами двух женщин, что вызывало у Елизаветы Борисовны еще большие боли.

Выйдя на кухню, бабушка Лиза, как ее обычно называли соседи, села за стол, а Злата, читавшая до этого бульварную газетенку «Правдивые истории», предложила заварить ей чай и, получив одобрительный кивок, принялась накрывать к завтраку. Поставив на стол чашку и тарелку с бутербродами, которые так любила старушка, Злата вновь с головой окунулась в чтение псевдоправдивых историй из жизни простых людей.

— Что пижут? — спросила Елизавета Борисовна, откусив кусочек бутерброда с колбасой.

— Ой, бабушка Лиза, не поверите! Одна вышла замуж, все хорошо было, муж — полный фарш: красивый, умный и богатый! А потом оказалось, что он — квартирный аферист. И там такое на-

чалось! — Злата с упоением принялась пересказывать историю бедной, но честной девушки, которая полюбила «нафаршированного» парня за красивые глаза и доброе сердце, а он оказался аферистом со стажем.

— Хорошо хоть все закончилось? — улыбнулась старушка, переходя ко второму бутерброду.

— Засадила его и вышла замуж за следователя. От баба! — восторженно подытожила Злата.

— Златочка, ты бы лучше классику почитала, — Елизавета Борисовна грустно покачала головой.

— Бабушка Лиза, а что там в вашей классике? Либо ничего непонятно, либо в конце все умирают. У меня после таких книг всегда живот болит и спать хочется.

— Читай книжки, деточка, там все ответы, — старушка попыталась встать, чтобы взять сахар, но Злата ее опередила.

— Я вам так скажу: книги засоряют голову, отвлекая от работы. Лучше почитать реальные истории из жизни реальных людей, — Злата серьезно показала пальцем на свою газету, — а в ваших книжках одни сказки и придуманные рассказы.

— Может и так, но они написаны умными людьми, — Елизавета Борисовна задумалась, медленно помешивая сахар в чашке.

— Была у меня в юности подруга, Поэма...

— Что за дурацкое имя? — Злата хихикнула.

— Это не совсем имя, Злата... Поэма — это крупное стихотворное произведение с повествовательным или лирическим сюжетом.

— Лирическим?

— Лирическим — это таким, какой отображает личное чувство или настроение автора, — серьезно ответила Елизавета Борисовна, бывший преподаватель зарубежной литературы института филологии.

— Вот вам и ваши книги! Я уже половины всего не понимаю!

— Поэма — это великие произведения: «Энеида» Вергилия, «Божественная комедия» Данте...

— Так что ваша подружка? — Злата нетерпеливо ерзала на стуле, желая сбежать с непредвиденного урока истории литературы.

— Ах, да! Поэма была очаровательной девушкой, невероятной красоты. Многие парни готовы были горы свернуть за ее внимание, но был у нее один недостаток — бедность. Поэма была катастрофически бедна и совершенно не умела готовить. Хотя дело даже не в ее кулинарных способностях. В силу своей бедности она могла претендовать на ухаживания юношей лишь ее уровня, а ей нравились исключительно состоятельные.

— Что не удивительно... — протянула Злата.

— И вот познакомилась она как-то на танцах с одним офицером. Писанный красавец и из семьи состоятельной. Начал он за ней ухаживать, цве-

ты дарить, конфеты, в ресторан даже пригласил. А она ему рассказала, что отец ее — профессор, а мать в консерватории хоровое пение преподает...

— Какое пение?

— Хоровое.

— А...

— Так вот, а на самом деле отец ее сапожником был, а мать давным-давно умерла. В общем, стал он напрашиваться с родителями познакомиться. Поэма сначала отговорки всякие придумывала: то в командировке отец, то мать заболела. Так продолжалось несколько месяцев, пока не стал офицер уличать ее в том, что она, наверное, несерьезно к нему относится. Пришлось Поэме назначить день знакомства с родителями. Это было в 1948 году, нам едва по 19 исполнилось, мы ведь бывшие одноклассницы. Стала Поэма думать, как из этой ситуации выкрутиться. Пошла в местный театр и договорилась с двумя немолодыми актерами, что они сыграют ее родителей.

— Да ладно!

— А актеры эти, надо сказать, импозантные были...

— Импозантные — это какие?

— Производящие впечатление, представительные. Так вот, договорилась она с ними за какие-то небольшие деньги, которые одолжила у всех возможных знакомых, и в день знакомства пошли они все в ресторан. Офицер был очарован профессором

и преподавателем хорового пения, они прекрасно отужинали... Офицер, кстати, сам оплатил счет...

— А что было дальше? — заинтригованная рассказом, Злата едва сдерживалась, чтобы дослушать до конца.

— А дальше он сделал ей предложение. Поэма, безусловно, была счастлива и согласилась стать его женой, но когда влюбленные уже собирались подавать заявление, чтобы расписаться, ее страшно начала совесть мучить, что обманула любимого. И она, ни словом не обмолвившись, повела его в мастерскую, где работал отец, показала издали непривлекательного побитого жизнью сапожника, а потом они долго ехали к ее дому, на самой окраине города. Поэма завела его в свою убогую однокомнатную квартирку...

— А дальше?

— А дальше она призналась во всем, — Елизавета Борисовна сделала глоток уже остывшего сладкого чаю, чтобы промочить пересохшее горло.

— И..?

— И тут случилось самое интересное, — глаза старушки хитро блеснули, — офицер упал перед ней на колени и сказал, что он сам из бедной семьи, что отец его — пьяница, а брат сидит в тюрьме, а единственная правда — так это то, что он любит ее всем сердцем.

— Ох, ничего себе! — Злата даже пискнула, вытянув свое крупное лицо.

— Да, такая вот история, деточка, — Елизавета Борисовна улыбнулась, наслаждаясь произведенным эффектом своего рассказа.

— И чем же это все закончилось? — женщины настолько увлеклись историей непутевой подружки Елизаветы Борисовны, что даже не заметили, как на кухне появился Даня, широкоплечий парень, который занимал одну из комнат коммуналки.

— Как ни странно, Даниил, но они поженились. Прожили много счастливых лет в любви и обожаении. Поэма родила своему офицеру троих детей, а ему таки удалось вырвать их из нищеты. Лет десять назад Поэма умерла, а офицер вскоре последовал за ней. Такая вот сильная была любовь... — Елизавета Борисовна грустно посмотрела в окно и попросила Злату заварить еще чаю.

— Красивая история, бабушка Лиза... — мечтательно протянула Злата.

— А главное — правдивая, — старушка пренебрежительно уставилась на газету.

Женщины замолчали. Елизавета Борисовна улыбалась, вспоминая очаровательную Поэму и ее красавца-офицера, а Злата просто не могла говорить, столько всего нового и умного она узнала за сегодняшнее утро.

— Даня, а ты почему не в институте? — в голосе Елизаветы Борисовны прозвучали преподавательские нотки, отчего по телу юноши пробежали мурашки.

Часы показывали 11:15.

— Я как слышу этот ваш менторский тон, сразу руки холодеют, — Даня лучезарно улыбнулся, передернув плечами, — я на последнюю пару поеду, все остальные страшно нудные.

— Даниил, наука не бывает веселой или забавной. Ее нужно впитывать без остатка, поглощая знания, чтобы в будущем использовать этот багаж по назначению, — Елизавета Борисовна так увлеклась своим нравоучением, что, казалось, даже боль на время прошла, — ты же не хочешь быть невеждой? — она еле заметно покосилась на Злату, которая вновь с упоением листала свою драгоценную газетку. — Твой покойный отец со мной согласился бы! — вздернув руки кверху, подытожила старушка.

— И как ему помогли его знания? — Даня грустно улыбнулся, достав из холодильника бутылку минеральной воды.

— Даниил! Твой отец был достойным человеком и великим ученым!

— Об этом свидетельствуют 10 ящичков его книг... — протянул Даня, наливая воду в стакан.

— Молодежь! Никакого уважения к старшему поколению, — Елизавета Борисовна укоризненно покачала головой.

— Бьюсь об заклад, когда мне будет столько же, сколько и вам, я буду то же самое говорить о своих внуках, — молодой сосед радостно улыбнулся и сел рядом за стол, — а где Иван Артемович?

— У него сегодня занятия.

— Поехал нести вечное и прекрасное в массы?

Данина шутка совершенно не понравилась Елизавете Борисовне, но, несмотря на это, она лишь снисходительно улыбнулась, так как искренне любила этого молодого человека.

Раз в неделю Иван Артемович посещал нескольких «будущих» студентов и готовил их к вступительным экзаменам по всемирной истории. В свои 84 он уже давно был списан со счетов, но бывший преподаватель напрочь отказывался мириться с такой несправедливостью. Иван Артемович был хорошим педагогом, всем сердцем любил не только свой предмет, но и самих студентов, да и они отвечали старичку взаимностью. К несчастью, Елизавета Борисовна так и не смогла осчастливить своего супруга отцовством, и после ряда выкидышей они утратили все надежды. Возможно, именно поэтому Иван Артемович так любил студентов, перенося на них свои нерастраченные отцовские чувства. Из года в год, правда, к нему их обращалось все меньше и меньше, но пока они были — это была отрада для старого преподавателя, да и лишних денег не бывает. В отличие от супруга, Елизавета Борисовна не так болезненно приняла судьбу «бездетности», сконцентрировав всю свою любовь на Дане, 22-летнем студенте магистратуры философского факультета специальности религиоведение. Она

открыто восхищалась сложностью его специализации, пророча великую научную судьбу.

— Даня, ты сегодня в продуктовый не заходил? — спросила Злата, оторвавшись от чтения своих историй.

— Да я вообще не выходил, — равнодушно ответил он.

— Пойду посмотрю, может, молочные сардельки наконец завезли. Юрко их так любит, — вспомнив о брате, Злата просияла и принялась быстро собираться, чтобы успеть купить как можно больше сарделек.

— «Бомбардировка любовью» в действии, — Даня подмигнул Елизавете Борисовне.

— В смысле? — изумилась Злата, округлив глаза.

— При вербовке новых адептов в секты часто используется такое понятие, как «бомбардировка любовью», смысл которой заключается в том, что человека окружают повышенным вниманием и заботой, создают ощущение, что он любим и нужен. Такое себе воздействие на сознание, — Даня искренне засмеялся, упиваясь реакцией Златы, которая, недоумевая, смотрела то на него, то на Елизавету Борисовну.

— Но я люблю Юрка... — только и смогла выдавить Злата, от чего Даня еще больше развеселился.

— Мы это знаем, Злата. Не обращай на Даню внимания, он шутит, — Елизавета Борисовна, как

могла, постаралась успокоить обиженную женщину, хотя сама еле сдерживала смех.

Приободренная словами старушки, Злата вышла в коридор, быстро обулась, накинула плащ, но уже у двери вдруг окликнула Елизавету Борисовну.

— А адепты — это кто?

— Последователи, часто яростные приверженцы какого-либо учения или идеи.

— А приверженец — это?

— Потом, Злата. Иди в магазин, — Елизавета Борисовна махнула рукой, попросив купить ей молока, и уже через несколько минут Злата была на полпути к магазину.

Часы показывали 12:30.

Юрко арендовал крошечную комнатку в подвале жилого дома, недалеко от улицы Десятиной. Эта комнатка была его мастерской, где он, как обычно выражалась Злата, «творил свои шедевры». Сложно сказать, были ли это шедевры, но рисовал Юра действительно хорошо. Несмотря на свою бедность, ему таки удалось поступить в Академию изобразительного искусства и архитектуры и с блеском окончить кафедру живописи и композиции, чем он очень гордился. Но пока он оставался непризнанным гением, влача жалкое существование бедного художника,

что, в принципе, ничуть Юру не удручало. Его вполне устраивала такая жизнь, в которой он занимался любимым делом, не голодал, имел крышу над головой, а рядом всегда была любящая сестра, которая поддерживала и восхищалась всем, что он творил.

Обычно Юра рано уходил из дому, закрывался в своей мастерской и до позднего вечера писал. По средам и пятницам он торговал своими картинами недалеко от мастерской, а по субботам посещал всевозможные художественные выставки и галереи. Так и протекала его тихая, размеренная жизнь. Иногда, правда, Юра встречался со своими приятелями-художниками, болтал об искусстве и культурно выпивал, но редко.

Часы показывали 14:00, когда в дверь его мастерской еле слышно постучали. После лаконичного «Відчинено» в комнату вошла Злата, держа в руках потертый временем пакет, один из тех, которые она регулярно стирала, напрочь отказываясь выбрасывать.

— Привет, родной, — женщина нежно улыбнулась, поцеловав брата в лоб, — а я тебе обед принесла, твои любимые сардельки, — она поставила кулек на шаткий деревянный столик, а сама села напротив Юры, который даже не шевельнулся.

— Что рисуешь? — заинтригованно спросила Злата.

— Нічого такого, замовлення однієї жінки. Серія малюночків у кімнату для її дитини, — безразлично ответил Юра, показывая на сохнувшие рисунки. Это были небольшие красочные картинки с изображением забавных животных и необычных растений, которые должны были украсить собою детскую некоей маленькой девочки.

— Очень мило, — Злата грустно улыбнулась, подумав, что, будь у нее дети, она бы тоже попросила брата украсить их комнаты рисунками. — А что там? — она указала рукой в дальний угол мастерской, где стоял средних размеров холст, накрытый легкой тканью. — Будущий шедевр? — Злата заулыбалась и уже была готова откинуть ткань, скрывавшую «шедевр», но Юра неожиданно загородил его собой.

— Я ще не закінчив. Ти ж знаєш, роздивлятися незакінчену роботу — погана прикмета.

Немного обиженная, Злата по-детски надула губы, но после сердечной благодарности за обед и думать забыла о загадочной картине. Побыв еще немного с братом, она попрощалась и пошла домой, чтобы не мешать своему гению творить.

Когда дверь за женщиной закрылась, Юра, убедившись, что не слышит больше ее шагов, подошел к скрытому от посторонних глаз холсту и медленно снял с него ткань. Он долго рассматривал изображенную на нем женщину. Последние несколько месяцев он, лишь выпадала свободная минута, писал